

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.2>UDC 340.12
LBC 67.1(0)6Submitted: 02.04.2025
Accepted: 04.07.2025

FROM “SMART REGULATION” TO “SMART LAW ENFORCEMENT”: WHAT PREVENTS CONCEPTUAL TRANSFORMATION?

Vladimir V. Slezhenkov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: although the concepts of “high-quality (“smart,” “better”) law enforcement” have been introduced into academic discourse, their conceptual development has progressed much more slowly compared to the related idea of “high-quality regulation.” Analyzing the factors that hinder the advancement of this theoretical field is of significant scientific interest, given the novelty and contentious nature of these issues, as well as their fragmented treatment in Russian jurisprudence. **Methods:** the methodological framework for the research consists of the general scientific, dialectical, formal legal, historical and comparative law, logical-syntactic, and semantic methods of cognition, as well as the methods of cause-effect analysis, forecasting, synthesis, and analysis. **Results:** the study describes the main ideas of “high-quality law enforcement,” shows the features of their formation in various legal systems, and analyzes the problems of conceptualization. The paper substantiates the **conclusions** regarding the relationship of new approaches to regulation with the development of both “classical” law enforcement and alternative dispute resolution tools, as well as possible prospects for relevant processes.

Key words: smart regulation, best regulation, law enforcement, smart law enforcement, best solution.

Citation. Slezhenkov V.V. From “Smart Regulation” to “Smart Law Enforcement”: What Prevents Conceptual Transformation? *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 2, pp. 17-22. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.2>

УДК 340.12

ББК 67.1(0)6

Дата поступления статьи: 02.04.2025

Дата принятия статьи: 04.07.2025

ОТ «УМНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ» К «УМНОМУ ПРАВОПРИМЕНЕНИЮ»: ЧТО ПРЕПЯТСТВУЕТ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ?

Владимир Владимирович Слеженков

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: несмотря на введение в зарубежный научный оборот в последние годы идей «качественного (“умного”, “лучшего”) правоприменения», их концептуализация, в особенности с процессуальной точки зрения, осуществляется существенно медленнее в сравнении с сопутствующими идеями «качественного регулирования», уже достаточно широко известными в нашей стране. Анализ различных факторов, препятствующих современному развитию соответствующего направления теоретической мысли, представляет значительный научный интерес в силу новизны и дискуссионного характера соответствующей проблематики, ее междисциплинарности, а также фрагментарности освещения в российской юриспруденции. **Методы:** методологическую основу исследования составляют общеначальный диалектический, формально-юридический, историко- и сравнительно-правовой, логико-синтаксический, семантический методы познания, а также методы причинно-следственного анализа, прогнозирования, синтеза и анализа. **Результаты:** в исследовании рассмотрены и охарактеризованы основные идеи «качественного правоприменения», показаны особенности их становления в различных правовых системах, проанализированы современные проблемы концептуализации и соотношения со сложившимися правоприменительными подходами, проиллюстрирована специфика практической реализации. Автором подчеркивается взаимосвязь рассматриваемых концептов с исследованиями пределов эффективности традиционных правоприменительных моделей. В статье обосновываются **выводы** относительно взаимосвязи новых подходов к регуляторике и правоприменительной деятельности.

сти как с трансформацией «классического» правоприменения, так и с расширением системы альтернативных средств разрешения споров, а также с технологическим прогрессом. По итогам исследования также прогнозируются возможные перспективы развития соответствующих процессов.

Ключевые слова: «умное регулирование», лучшее регулирование, правоприменение, «умное право-применение», лучшее решение.

Цитирование. Слеженков В. В. От «умного регулирования» к «умному правоприменению»: что препятствует концептуальной трансформации? // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 2. – С. 17–22. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.2>

Введение

Развитие и утверждение в правовой доктрине в последние десятилетия идей «качественного»¹ («умного», «лучшего», «ответственного» и т. д.) регулирования со временем с необходимостью должно было повлечь осмысление специфики сопутствующего изменения правоприменительной деятельности. Вместе с тем, несмотря на постепенное появление новой терминологии («умное правоприменение», «лучшее [судебное] решение»), до настоящего момента в рассматриваемой сфере наблюдается определенное «запаздывание» развития теоретической мысли, имеют место лишь фрагментарные попытки ее концептуализации. В отечественной юриспруденции указанные вопросы только начинают получать освещение, хотя законодательству известен ряд правовых средств, которые могут быть ассоциированы с «умным правоприменением». При этом отмеченные сложности универсальны: они наблюдаются и в континентально-европейской, и в англо-американской правовой традиции, отмеченной исторически приоритетной разработкой «умного регулирования», несмотря на присущие ей pragmatism и практико-процессуальную ориентированность. Таким образом, актуальность обращения к данной тематике предопределена ее теоретической новизной и очевидным проблемным характером вкупе с наличием значительного потенциала для развития соответствующих идей.

Социально-правовой контекст генезиса идей качественной регуляторики и концептуальные рамки их развития

Специфика развития и трансформации идей «умного регулирования» в значительной мере опосредована обстоятельствами их воз-

никновения. Как известно, генезис данных взглядов связан с американским теоретическим дискурсом, последующее распространение они получили прежде всего в системе общего права, а за ее рамками – в государствах, отличающихся своеобразием правового развития, в том числе ориентиром последнего на эксперименты (скандинавские страны, Нидерланды). Это предопределило такие особенности «умного регулирования», как междисциплинарная природа, деэтистский характер, pragmatism, сравнительная аксиологическая амбивалентность, что, в свою очередь, обусловило проблематику сопряжения со сложившимися в континентально-европейской традиции идеями и практиками социально-правовой государственности [2, с. 11–12]. Аналогичная линия развития характерна и для идей «умного правоприменения» (так, предтечей риск-ориентированных подходов считаются разработки 80-х гг. XX в. американских авторов Б. Бардаха и К. Кагана [5, р. 102]). В результате «умное регулирование» в определяющей мере складывалось по отчасти экспериментальной линии применения конкретных методик, имеющих непосредственный правоприменительный эффект (анализ «затраты-выгоды» в американской практике [9], оценка регулирующего и фактического воздействия в европейской, риск-ориентированный подход, таргетирование в обеих). Тем самым в исследованиях «умного регулирования» делается акцент не столько на возможность оптимизации правоприменения с учетом нового, сколько на специфику позиций практики, связанных с оценкой соответствующих средств (в данном разрезе приходится говорить не о формировании на базе их применения новых регулятивных методов, а о комбинаторике имеющихся). В этой связи целостная теоретическая модель, сочетающая все аспекты «умной» реализации права с новыми подходами к ре-

гулированию, в настоящее время еще не сложилась; в практической же плоскости одной из иллюстраций такого положения выступает явный дисбаланс между материальными и процессуальными аспектами «умной» регуляторики.

Основные концепты «качественного правоприменения»

Генезис идей «умного правоприменения» (*smart enforcement*) связывается не только с концептуализацией «умного регулирования» (1998 г.), но и с результатами ряда исследований, доказывающих пределы эффективности традиционных правоприменительных моделей: «сдерживания» / «устрашения» (*deterrence model*) и «сотрудничества» / «соисполнения» (*cooperative enforcement*). Обобщенно проблематика применения первой из названных моделей может заключаться в отсутствии целенаправленности и необоснованности принуждения, способствующих развитию своего рода «культуры сопротивления регулированию»; кроме того, данная практика ведет к необоснованным затратам ресурсов и не учитывает специфику непреднамеренных правонарушений, например, в силу дефицита информации, сложности ориентирования в динамично меняющемся нормативном материале и правоприменительной практике. В свою очередь, контрпродуктивность второй модели (проблематизированная позже), как правило, опосредуется различиями между субъектами правоотношений, в частности наличием у крупных компаний ряда возможностей «обхода» установленных норм (так, соавтор концепции «умного регулирования» Н. Ганнингем оперирует термином «согласованное несоблюдение» (цит. по: [5, р. 83])). Более того, речь идет не только о недостаточной эффективности отдельной практики, но и о возможных пределах действенности комплексного использования приведенных правоприменительных подходов (например, сочетания командно-контрольных и экономических инструментов [1, с. 41]).

Соответственно, «умное правоприменение», как отмечают Ф. Блан и М. Форе, предполагает такие особенности, как ориентир на мотивирование соблюдения регулятивных тре-

бований субъектами правоотношений, учет их информированности, «процедурной справедливости», рационализации затрат и выгод всех участников правоприменительного процесса [4, р. 1408]. Центральное значение в данном контексте приобретают категории риска (пропорциональность которого коррелирует с оценкой «разумности» правоприменительных мер) и таргетинга (выбор правоприменительной стратегии в зависимости от комплекса факторов, позволяющих дифференцировать различные целевые группы регулируемого сообщества, как рисковых, так и связанных с результатами деятельности подконтрольных субъектов). Такой подход предполагает анализ тех сфер, где нарушения будут наиболее серьезными, и, следовательно, можно получить наибольшую выгоду от мониторинга и инспекций. Рассмотренные идеи в последние годы формализуются как в ряде национальных юрисдикций, так и на международном уровне (примечательным примером выступают, в частности, документы ОЭСР [10]).

Идеи «лучшего (судебного) решения» (*better adjudication*), развивающиеся с конца 2010-х гг., со своей стороны, в большей мере отражают практико-процессуальные аспекты и проблематику «качественного правоприменения» (в отношении которых, как уже отмечалось, наблюдается сравнительно более медленное развитие нормативной базы).

Использование указанного концепта исходно связано с обобщениями судебной практики наднационального уровня (Суда ЕС). Это обуславливает и особенности терминологии: в нормотворчестве ЕС «умное регулирование» характеризуется как своего рода ребрендинг «лучшего» [6]. Примечательно, что авторы приведенного термина Ю. Новаг и К. Грусс отмечают взаимосвязь «лучшего регулирования» и «лучшего решения» в ракурсе желаемого, подчеркивая проблемы формирования соответствующей практики в свете сложившихся институциональных и функциональных критериев баланса властей [9]. Применение рассматриваемого концепта связано с анализом отдельных аспектов «умного регулирования», прежде всего оценки регулирующего воздействия в контексте (для ЕС) принципов пропорциональности, субсидиарности, верховенства права. Однако подобная практика

имеет тенденции к расширению – так, в деятельности Суда ЕС последних лет возникли прецеденты применения критериев такой оценки не только в отношении подзаконных, но и законодательных актов: характерны упомянутые теми же авторами термины «процессуализация субсидиарности» и «состязательная законность» (*adversarial legalism*).

Иные (неконцептуализированные) идеи. В разрезе национальных практик «лучшего решения» особо стоит выделить разработки германского ученого У. Карпена. Исследователь отмечает, что Конституционный Суд Германии в своей практике сформулировал ряд критериев для оценки законодательных актов не только на предмет соответствия конституции, но и с позиций содержательных предпосылок «лучшего регулирования»: юридическую рациональность; прозрачность процедуры и результатов; соответствие законодательства текущим реалиям (что опосредует обязанность законодателя эффективно контролировать соответствующий корпус актов) [3, с. 84]. Тем самым суд участвует в процессе разработки законодательных актов как «квазизаконодательное учреждение» (далее же соответствующие правоположения будут наполняться более конкретным содержанием в общей судебной практике) [7].

Наконец, еще одной знаковой тенденцией в данном контексте выступает развитие альтернативных средств разрешения споров (в широком смысле речь идет и о применении новых технических средств и процедур). Хотя соответствующие идеи не концептуализированы, подобные практики также дискуссионно рассматриваются в оптике «качественного регулирования / правоприменения»: например, видится уместным указать на их совместимость с расширенной трактовкой «умного регулирования» как всех исходящих прямо или косвенно от государства или иных общественных структур мер социального контроля и измерения поведения [8, р. 79].

Проблемы развития идей «качественного правоприменения»

Характеризуя сложности развития концептов «качественного правоприменения», следует подчеркнуть наличие ряда не вполне

очевидных, на первый взгляд, препятствий к их универсализации. Так, помимо указанной выше специфики исходного формирования данных идей (и качественной регуляторики вообще) в реалиях системы общего права (что до настоящего времени предопределяет некоторый дисбаланс внедрения практик «умного правоприменения», например, в Великобритании и континентально-европейских странах), стоит отметить, что в отдельных правовых традициях риск-ориентированные подходы считаются создающими нормативные конфликты (например, с идеей управления, основанного на безопасности, а не на риске, во Франции или в разрезе соблюдения конституционных принципов в Германии [11]; необходимо упомянуть и о различиях сложившихся в тех или иных государствах моделей право-применительной дискреции). Таким образом, можно говорить о трудностях интеграции новых моделей правоприменения в социально- и политico-правовой контекст не только с позиций правовых систем, но и на национальном уровне (очевидно, этим объясняется и опережающее развитие вышеуказанных практик в наднациональном аспекте, где подобные ограничения отсутствуют).

Другой комплекс проблем касается критического осмыслиения новых идей, свидетельствующего о том, что они не могут рассматриваться в качестве безусловной альтернативы «классическим», а требуют использования в сочетании с последними. В частности, отдельными авторами отмечается ограничение «умного правоприменения» вследствие существенной составляющей вероятностных расчетов, тогда как регуляторы часто имеют дело с неопределенностью. С этим связан риск так называемой модельной близорукости (*model myopia*) [5, р. 101]: склонности игнорировать более низкие уровни риска, которые, будучи распространеными, могут включать кумулятивные опасности.

Наконец, необходимо подчеркнуть и взаимосвязь соответствующих проблем с исходными ограничениями, характеризующими эффективность правоприменения вообще, в свете чего стоит упомянуть сложности систематизации «провалов» нерыночных институтов, регламентации нетипичного правоприменения, определения пределов право-применительной

дискреции, сравнительное «запаздывание» развития правоприменительных техники и технологии в сравнении с правотворческими и т. д. В результате имеет место и методологическая проблематика «качественного регулирования / правоприменения»: в настоящее время уместно говорить о наличии новых правовых средств, вариативности их сочетания друг с другом и с «классическими» средствами (гибридизации), но не о формировании каких-либо новых методов.

Выводы

Идеи «качественного правоприменения», теоретические предпосылки которых восходят еще к началу 80-х гг. XX в. как попытка преодолеть пределы эффективности традиционных правоприменительных моделей («сдерживания» / «устрашения» и «сотрудничества» / «соисполнения», в последние годы концептуализируются по двум основным направлениям: «умное правоприменение» и «лучшее [судебное] решение»; прочие разработки в данной сфере фокусируются на уровне национальных моделей либо применительно к новым технологиям альтернативного разрешения споров. В данной сфере множатся примеры как международных и наднациональных (в частности, ОЭСР, ЕС), так и внутригосударственных практик, связанных и с формулированием новых стандартов оценки «классического» регулирования, и с формированием позиций, иллюстрирующих переход практик «умного регулирования» в правоприменительную плоскость. При этом «умные» аспекты могут относиться к различным моментам в цепочке исполнения, что определяет преимущественно проактивный, а не реактивный характер правоприменения, нацеленность последнего не только на поиск нарушений, но и на более эффективное решение социально-правовых проблем. Сложности современного развития концептов «качественного правоприменения» прежде всего сопряжены с неоднородностью соответствующих процессов как на уровне национальных юрисдикций, так и по линии материального / процессуального регулирования. В то же время большинство выявленных в данном контексте ограничений касается не исключительно новых концептов, а проблема-

тиki правоприменения в принципе, что свидетельствует о необходимости не только разработки новой правоприменительной политики, но и ее соотнесения с более широким контекстом анализа правовых явлений.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ В силу определенного параллелизма как в теоретическом развитии, так и в контексте формализации ряда рассматриваемых идей (в частности, «умного» и «лучшего» регулирования), распространенности синонимичного использования сопутствующей терминологии, для их обобщенного упоминания в литературе достаточно часто используется термин «качественное регулирование». По аналогии представляется возможным и использование термина «качественное правоприменение» для обобщения имеющихся в данной сфере концептов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зыков, Д. В. Концепция «Smart Regulation» как инструментальная составляющая устойчивого развития / Д. В. Зыков // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 3. – С. 38–44. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.5>
2. Правовые средства умного регулирования в условиях больших вызовов : монография / под ред. М. Л. Давыдовой. – М. : РУСАЙНС, 2024. – 242 с.
3. Слеженков, В. В. Судебное правоприменение в контексте теории «умного регулирования»: проблемы концептуализации / В. В. Слеженков // Вестник Евразийской академии административных наук. – 2023. – № 4 (65). – С. 82–85.
4. Blanc, F. Smart Enforcement in the EU / F. Blanc, M. Faure // Journal of Risk Research. – 2020. – № 23 (11). – P. 1405–1423. – DOI: 10.1080/13669877.2019.1673800
5. Blanc, F. Smart Enforcement. Theory and Practice / F. Blanc, M. Faure // European Journal of Law Reform. – 2018. – № 20 (4). – P. 78–103. – DOI: 10.5553/EJLR/138723702018020004004
6. European Guide on Standards and Regulation – Better Regulation Through the Use of Voluntary Standards – Guidance for Policy Makers. Ed. 1, 2015–06. – URL: <https://www.cencenelec.eu/media/Guides/CEN-CLC/cenclcguide30.pdf>
7. Karpen, U. Regulatory Impact Assessment (RIA) by Independent Bodies / U. Carpen. – URL: <https://www.eca.europa.eu/sites/regulatory-impact-analysis-conference/EN/Documents/Article%20KARPEN.pdf>
8. Kennedy, R. E-regulation and the Rule of Law: Smart Government, Institutional Information

Infrastructures, and Fundamental Values / R. Kennedy // *Information Polity*. – 2016. – Vol. 21. – P. 77–98. – DOI: 10.3233/IP-150368

9. Nowag, J. From Better Regulation to Better Adjudication? Impact Assessment and the Court of Justice's Review / J. Nowag, X. Groussat // *The EU Better Regulation Agenda: a Critical Assessment* / eds. S. Graben, I. Govaere. – Hart Publishing Ltd, 2018. – 185 p. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3024039

10. OECD Best Practice Principles for Regulatory Policy. – URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2014/05/regulatory-enforcement-and-inspections_g1g3b1b4/9789264208117-en.pdf

11. Rothstein, H. Risk and the Limits of Governance: Exploring Varied Patterns of Risk-Based Governance Across Europe / H. Rothstein, O. Borraz, M. Huber // *Regulation & Governance*. – 2013. – Vol. 7, № 2. – P. 215–235. – DOI: 10.1111/j.1748-5991.2012.01153.x

REFERENCES

1. Zykov D.V. Koncepciya «Smart Regulation» kak instrumental'naya sostavlyayushchaya ustoichivogo razvitiya [The Concept of “Smart Regulation” as an Instrumental Component of Sustainable Development]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 3, pp. 38-44. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.5>

2. Davydova M.L., ed. *Pravovye sredstva umnogo regulirovaniya v uslovijah bolshih vyzovov: monografiya* [Legal Means of Smart Regulation in the Context of Major Challenges. Monograph]. Moscow, RUSAINS Publ. 242 p.

3. Slezhenkov V.V. Sudebnoe pravoprimenenie v kontekste teorii «umnogo regulirovaniya»: problemy konceptualizacii [Judicial Enforcement in the Context of the Theory of «Smart regulation»: Problems of

Conceptualization]. *Vestnik Evrazijskoj akademii administrativnyh nauk* [Herald of the Eurasian Academy of Administrative Sciences], 2023, no. 4 (65), pp. 82-85.

4. Blanc F., Faure M. Smart Enforcement in the EU. *Journal of Risk Research*, 2020, no. 23 (11), pp. 1405-1423. DOI: 10.1080/13669877.2019.1673800

5. Blanc F. Smart Enforcement. Theory and Practice. *European Journal of Law Reform*, 2018, no. 20 (4). pp. 78-103. DOI: 10.5553/EJLR/138723702018020004004

6. European Guide on Standards and Regulation – Better Regulation Through the Use of Voluntary Standards – Guidance for Policy Makers. Ed. 1, 2015-06. URL: <https://www.cencenelec.eu/media/Guides/CEN-CLC/cenlcguide30.pdf>

7. Karpen U. *Regulatory Impact Assessment (RIA) by Independent Bodies*. URL: <https://www.eca.europa.eu/sites/regulatory-impact-analysis-conference/EN/Documents/Article%20KARPEN.pdf>

8. Kennedy R. E-regulation and the Rule of Law: Smart Government, Institutional Information Infrastructures, and Fundamental Values. *Information Polity*, 2016, vol. 21, pp. 77-98.

9. Nowag J., Groussat X. From Better Regulation to Better Adjudication? Impact Assessment and the Court of Justice's Review. Graben S., Govaere I., eds. *The EU Better Regulation Agenda: A Critical Assessment*. Hart Publishing Ltd, 2018. 185 p. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3024039

10. OECD Best Practice Principles for Regulatory Policy. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2014/05/regulatory-enforcement-and-inspections_g1g3b1b4/9789264208117-en.pdf

11. Rothstein H., Borraz O., Huber M. Risk and the Limits of Governance: Exploring Varied Patterns of Risk-Based Governance Across Europe. *Regulation & Governance*, 2013, vol. 7, no. 2, pp. 215-235. DOI: 10.1111/j.1748-5991.2012.01153.x

Information About the Author

Vladimir V. Slezhenkov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Volgograd State University, Prospekt Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, slezhenkov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2863-6014>

Информация об авторе

Владимир Владимирович Слеженков, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и муниципального права, Волгоградский государственный университет, Университетский просп., 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, slezhenkov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2863-6014>